

FATA, FORTUNA, БОГИ И СВОБОДА ВОЛИ В ТРАГЕДИЯХ СЕНЕКИ

С. С. ДЕМИНА

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ist-drev@yandex.ru

SVETLANA DEMINA

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
FATA, FORTUNA, GODS, AND FREE WILL IN SENECA'S TRAGEDIES

ABSTRACT. This article investigates Seneca's thoughts about fate (fata), fortune (fortuna), gods, and free will based on the analysis of his tragedies. In all his plays and philosophical works, this Roman author writes about the power of fata, fortuna and the gods, about the predestination of the course of events, and about the necessity to evince humility and honor the gods. However, in the tragedies, written in the 40s – 50s, the personages blame fata, fortuna, and the gods, who can feel emotions (hatred, anger, vexation) and harm mortals, for their misfortunes. This contradicts Seneca's Stoic views. The ideas about fata, fortuna, gods, and free will, presented in dramas of 60s, are more similar to his thoughts, declared in the philosophical works.

KEYWORDS: Ancient Rome, Seneca, tragedies, Stoicism, fata, fortuna, gods, free will, Roman religion.

Вопрос о том, в какой степени решения и поступки человека носят самостоятельный характер, а в какой мере они предопределены судьбой и/или богами, был одним из важнейших для римского стоика I в. н. э. Сенеки Младшего. Как известно, его творческое наследие состоит из теоретических сочинений, в которых изложены его философские взгляды, и драматических произведений. С XIX в. по настоящее время ученые спорят о том, были ли трагедии Сенеки представлены на сцене широкой публике, предназначались ли они для показа в частном театре или для декламации перед небольшим количеством слушателей¹.

¹ См.: Grant 1999, 31–32; Grimal 2004, 173; Fantham 2005, 116, 123; Bexley 2015, 790–791; Braund 2016, 27, 29; Bernstein 2017, 100; Slaney 2019, 24–25.

В теоретических сочинениях этого мыслителя обнаруживается частичное совпадение смыслов терминов «fatum» и «fortuna», показаны власть судьбы над смертными, установленная божеством, и наличие у каждого человека свободной воли, проявляющейся в ситуациях выбора между добродетелью и пороком². Свою точку зрения он противопоставлял мнению оппонентов, которые утверждали, что все предопределено судьбой-fatum, и тем самым полностью отвергали свободу воли (см.: Nat. quest. II. 35–38). В этой связи возникает вопрос о том, отражают ли трагедии Сенеки его представления о предопределенности событий и имеющейся у человека свободе выбора между добродетелью и пороком. Его постановка обусловлена существующей уже давно научной дискуссией о степени соответствия идей, отраженных в его пьесах, его же собственным стоическим взглядам, изложенным в теоретических сочинениях. Многие исследователи отмечают философский характер драматических произведений этого римского автора³. Однако некоторые специалисты считают, что в трагедиях он подвергает стоическое учение сомнению, проверке, пытается оспорить его постулаты⁴, противоречит своим же идеям, высказанным в теоретических сочинениях⁵, особенно при характеристике богов⁶.

Вопрос о степени предопределенности поступков персонажей трагедий Сенеки рассматривается исследователями, как правило, на материале какой-то одной пьесы. Так, анализируя трагедию «Эдип», Ж.-П. Айгон отмечает, что главный герой сам ответственен за свои поступки, поскольку поддался влиянию страстей, а судьба (fatum), управляющая мировым порядком, не предопределяет выбор, который делает человек, оказавшись в сложной ситуации, а устанавливает связи между причинами и последствиями действий, поэтому нужно не бояться судьбы, а принять ее⁷. По мнению С. Браунд, в «Эдипе» проявляются могущество и неумолимость судьбы, а также тщетность попыток смертного оказать ей сопротивление⁸. К. Дж. Фрейкс обращает внимание на то, что в «Агамемноне» и «Федре» Сенека показывает власть судьбы (fortuna), способной возвысить и опустить любого человека, управляя всеми делами

² Подробнее см.: Демина 2024, 8–10.

³ Schiesaro 2003, 243, 252; Allendorf 2013, 140; Aygon 2014, 13, 29; Mader 2014, 127, 157; Braund 2016, 38, 52, 81; Trinacty 2016, 16, 19–20; Пичугина 2018, 229, 232, 241.

⁴ Star 2015, 251, 253; Star 2016, 38, 40–42, 53; Slaney 2019, 79.

⁵ Санжениаков 2019, 246, 254.

⁶ См.: Fischer 2008, 4; Bernstein 2017, 91.

⁷ Aygon 2015, 274–276, 282.

⁸ Braund 2016, 38, 81.

смертных⁹. К. Стар и В. К. Пичугина указывают на готовность Медеи противостоять обстоятельствам, фортуне, при этом Ясон, по словам В. К. Пичугиной, «легко смиряется с судьбой»¹⁰. С. Е. Фишер считает, что Медея и Атрей осознанно решились на преступления, поэтому они сами виновны¹¹. В трагедии «Геркулес в безумье» Юнона, с точки зрения этой исследовательницы, не изображается как одно из олимпийских божеств, но она выполняет функцию капризной фортуны, с которой главный герой должен бороться¹². Н. В. Бернштейн полагает, что эта борьба и страдания Геркулеса позволили Сенеке показать стойкость, которую мудрецы должны проявлять, сталкиваясь с различными испытаниями, посланными судьбой¹³. В «Федре», по мнению С. Е. Фишера, смерть Ипполита изображена как божественное вмешательство, однако виновны в случившемся все же сами люди¹⁴. Жертвоприношения Астианакса и Поликсены, рассматриваемые в «Троянках», хотя и требовались роком (*fata*), религиозного смысла, с точки зрения этой исследовательницы, не имели¹⁵. Прологи в «Агамемноне» и «Фieste», как пишет С. Е. Фишер, выражают детерминистический характер событий¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что научный интерес к проблеме степени влияния высших сил (*fata*, *fortuna*, богов) на поведение персонажей Сенеки является весьма устойчивым, однако попытка сопоставить сведения всех его трагедий по этому вопросу не предпринималась, чему и будет посвящена данная статья.

Хотя точная датировка трагедий Сенеки невозможна, однако в современной науке общепринятым является их деление на три группы. К первой относят пьесы «Агамемнон», «Федра» и «Эдип», написанные между 41 и 49 гг. (или между 41 и 54 гг.)¹⁷. Вторая группа включает драмы «Троянки», «Медея» и «Геркулес в безумье», предположительно созданные до (или около) 54 г.¹⁸ Трагедии «Фieste» и «Финикиянки», составляющие третью группу, принято считать поздними произведениями Сенеки; время их создания относят к 60-м гг.¹⁹

⁹ Frakes 1988, 16.

¹⁰ Star 2016, 41; Пичугина 2018, 229.

¹¹ Fischer 2008, 268.

¹² Fischer 2008, 267.

¹³ Bernstein 2017, 92–93.

¹⁴ Fischer 2008, 267.

¹⁵ Fischer 2008, 268.

¹⁶ Fischer 2008, 268.

¹⁷ Fantham 2005, 123; Marshall 2014, 37–38; Star 2015, 249.

¹⁸ Fantham 2005, 123; Marshall 2014, 39; Star 2015, 249.

¹⁹ Fantham 2005, 123; Marshall 2014, 39–40; Star 2015, 249.

Драмы «Геркулес на Эте» и «Октавия» были написаны уже после смерти этого римского автора в подражание его пьесам²⁰, поэтому в данной статье анализироваться не будут.

Сравнение трагедий Сенеки на терминологическом уровне позволяет выявить их сходство. Во-первых, термин, означающий «судьбу», «рок», употребляется во множественном числе («fata») значительно чаще, чем в единственном («fatum»). В некоторых случаях его можно перевести словом «смерть» (см.: Agam. 38; Oed. 72, 787; Troad. 390; Med. 1000; Herc. 612). Однако ситуации такого словоупотребления встречаются лишь в трагедиях первой и второй групп, созданных в 40-е – 50-е гг.; в то время как в драмах 60-х гг. они не обнаружены. Во-вторых, необходимо отметить, что термин «fortuna» во всех пьесах употребляется только в единственном числе. Как и у других древнеримских авторов, у Сенеки он многозначен: это «судьба», «участь», «случай», «удача» (если речь идет о благоприятном случае). В-третьих, при характеристике всех высших сил в его трагедиях преобладает отрицательная коннотация. Судьба-fata – ужасная (dira: Agam. 230; Phaed. 1271), жалкая (ignaua: Agam. 518; miseranda: Troad. 1056), злобная (saeua: Oed. 125; Troad. 1056; Thyest. 934), нечестивая (impia: Oed. 1046), жестокая (violenta: Oed. 1059; dura: Troad. 1056; Med. 431), несправедливая (iniqua: Troad. 986), суровая (horrida: Troad. 1056), печальная (tristia: Phoen. 244). Фортуна – жесточайшая (ultima: Agam. 146), сомнительная (dubia: Agam. 146), надменная (superba: Agam. 247), очень тревожная (nimis sollicita: Oed. 674–675), злобная (saeua: Oed. 786), слепая (saesa: Phaed. 980), ветреная (leuis: Med. 219), убогая (sordida: Herc. 200), несправедливая (iniqua: Herc. 325), завистливая (inuida: Herc. 524), сомнительная (dubia: Thyest. 33), злая (mala: Thyest. 454). В качестве редких исключений можно назвать несколько эпитетов фортуны, имеющих положительную окраску: счастливая (beata: Oed. 693), добрая (bona: Thyest. 454), благоприятная (felix: Thyest. 940). В негативном ключе характеризуются в пьесах и боги: они злобные (saeui: Agam. 230), мрачные (tristes: Herc. 611), Юпитер – гневный (iratus: Agam. 528) и несправедливый (iniquus: Agam. 594), Феб – лживый (mendax: Oed. 1046), Марс – колеблющийся, переменчивый (incertus: Phoen. 626). Негативный характер эпитетов судьбы-fata, фортуны и богов можно объяснить жанром трагедии, ориентированным на пробуждение у читателя (или зрителя, если допустить, что пьесы Сенеки предназначались для постановки на сцене) чувств негодования, сострадания, печали.

Рассмотрим общие и отличительные черты трагедий на мировоззренческом уровне.

²⁰ Fantham 2005, 116, 123–124; Star 2015, 255; Braund 2016, 17.

Характеризуя судьбу-fata в пьесах разных лет, Сенека указывает на то, что человек может узнать ее по предсказаниям, однако это знание о грядущем и страх перед ним, волнения и хлопоты не спасают от предначертанного (см.: Agam. 179–180, 319; Phaed. 698–699; Oed. 206–207, 980–982, 993–994; Troad. 351–352; Med. 652–653; Thyest. 757–758; Phoen. 276–277), поэтому нужно подчиниться судьбе (Oed. 980). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, если в ранних трагедиях персонажи сетуют на нее и обвиняют ее во всем, что с ними произошло, не беря на себя никакой ответственности (см.: Phaed. 143–144; Oed. 1019; Troad. 1026–1028), то в пьесах, написанных в 60-е гг., высказываются идеи о том, что следует охотно (*libens*) идти навстречу своей участи, не жалуясь (Thyest. 367–368), и что человек способен поправить судьбу-fata и сам, а не под воздействием высших сил, совершить «свои падения» («*casus suos*»: Phoen. 193–195).

Могущество фортуны показано во всех трагедиях. Она беспорядочно управляет делами человеческими («*Res humanas ordine nullo | Fortuna regit...*»: Phaed. 978–979), дает и отнимает царскую власть (Agam. 57–58, 71–72; Troad. 734–735; Med. 219–220; Thyest. 33–36), может возвысить смертного, даруя ему милости, а может навредить, посылая несчастья (см.: Agam. 101; Phaed. 1124; Troad. 259–260, 269, 275; Herc. 325–327, 524–525; Thyest. 536; Phoen. 211–215).

В пьесах «Медия» и «Геркулес в безумье», написанных в 50-е гг., Сенека ставит вопрос о том, в состоянии ли человек бороться с fortuna. В этой связи интересны две фразы Медеи: «Судьба боится храбрых, трусливых притесняет» («*Fortuna fortes metuit, ignavos premit*»: Med. 159), «Судьба может отнять могущество, но не дух» («*Fortuna opes auferre, non animum potest*»: Med. 176). По поводу первой фразы К. Стар заметил, что эта идея встречается в литературных произведениях других римских авторов республиканского времени и эпохи Августа²¹. Сама Медия при этом ставит себя выше фортуны (Med. 520), тем самым причисляя себя к храбрым людям. Однако, очевидно, что, с точки зрения Сенеки, это не так. В философских произведениях он характеризует храбрость как добродетель, которая, будучи самодостаточной, не нуждается в помощи такого порока, как гнев²². У Медеи же гнев и любовь слились воедино (см.: «*nunc ira amorque causam | iunxere...*»: Med. 868–869) и мотивировали ее на совершение злодеяний. Можно согласиться со словами В. К. Пичугиной о том, что в этой пьесе автор на конкретном примере главной героини демонстрирует, «что страсти всегда должны находиться под контролем»²³.

²¹ Star 2016, 41.

²² Подробнее см.: Демина 2020, 37–38.

²³ Пичугина 2018, 234.

Вторая фраза Медеи – о том, что фортуна не управляет духом смертного, – созвучна мысли Сенеки, высказанной в «Нравственных письмах к Луцилию», – «над нравами судьба власти не имеет» («in mores fortuna ius non habet»: Epist. XXXVI. 6). Эти слова свидетельствуют о признании римским автором I в. н.э. наличия у человека свободы воли, свободы осознанного выбора между пороком и добродетелью. По его мнению, лишь борьба с собственными страстями и пороками и ориентация своего поведения на культивацию добродетелей способны возвысить человека над фортуной²⁴. Однако Медея не борется со своими страстями, а выбирает порок и злодеяния и пытается восстать против сложившихся условий. Следовательно, если в теоретических сочинениях Сенека объясняет читателю, как в проблемной ситуации сделать правильный выбор в пользу добродетели, то в этой пьесе он изображает трагические последствия неправильного выбора в пользу порока.

Геркулес тоже совершает убийства, подобно Медее. Однако Сенека показывает существенные различия этих злодеяний. Если Медея пошла на этот шаг осознанно, то Геркулес действовал, пребывая в безумном состоянии, которое на него наслала Юнона, то есть будучи лишен на тот момент свободы выбора (см.: Herc. 1201, 1297). Когда же разум к нему вернулся, он от отчаяния захотел наложить на себя руки. Но отговаривающий его Амфитрион заметил, что в этом случае его преступление (*scelus*) уже будет совершено «добровольно и сознательно» («*uolens sciensque*»: Herc. 1300–1301). Тогда Геркулес просит свою *virtus* (добродетель, доблесть) подчиниться отцовской власти («*succumbe, uirtus, perfer imperium patris*»: Herc. 1315) и принимает решение продолжить жить (Herc. 1317), борясь со своими страстями, прежде всего с гневом, который он был готов обрушить на себя самого (см.: Herc. 1220–1221). Эту борьбу он считает трудом (*labor*), сопоставимым по тяжести с его прежними трудами (Herc. 1316).

Идеи об осознанном выборе добродетели и борьбе со своими страстями, представленные в трагедии «Геркулес в безумье», созвучны мыслям Сенеки, изложенным в его философских сочинениях, на что уже указывал Н. В. Бернштейн²⁵. Хотя Медея провозглашает, что она возвысилась над фортуной, однако древнеримский автор показывает, что это удалось не ей, ибо она действовала под влиянием страстей, а Геркулесу, поскольку он обдуманно принял решение бороться с ними.

²⁴ Подробнее см.: Демина 2024, 9.

²⁵ Bernstein 2017, 86, 90–91.

Изображения богов в трагедиях разных лет имеют общие и отличительные черты. Схожими для всех пьес являются идеи о том, что бессмертные могут оказывать людям милости, покровительство, давать власть (см., напр.: *Troad.* 262–263, 695–696; *Thyest.* 471, 489–490, 621–622), однако благосклонность богов может быть злобной (*Phaed.* 1271), их чрезмерного покровительства нужно бояться (*Troad.* 262–263), оно не дает человеку уверенности в завтрашнем дне (*Thyest.* 619–620). В трагедиях Сенеки люди часто обращаются к ним с просьбами, поскольку «несчастливым в особенности следует почитать верховных (богов)» («*miseris colendos maxime superos*»: *Agam.* 694). Однако все их мольбы не имеют желаемого эффекта, и они вынуждены сами искать решения в сложных трагических ситуациях, поскольку даже бессмертным причинно-следственные связи миропорядка не подвластны (см.: *Oed.* 989–990). Эти идеи о неспособности молитв изменить *fatum* и об их необходимости, поскольку они «являются частью судьбы как «неизбежности поступков», а также о подчиненности божества установленному им же самим миропорядку, содержатся и в теоретических произведениях Сенеки²⁶.

В то же время в трагедиях 40-х – 50-х гг. есть весьма существенные отличия от философских сочинений этого римского автора и от его пьес 60-х гг. В теоретических произведениях он утверждает, что бессмертные способны причинить вред (*De ira.* I. 20. 9), но люди им очень дороги (*De benef.* II. 29. 6), поэтому по отношению к ним боги являются благотворящими (*De benef.* IV. 9. 1, 19. 1). Кроме того, согласно Сенеке, им, как справедливо заметила С. Е. Фишер, абсолютно не свойственны зависть и гнев²⁷. Однако в трагедиях 40-х – 50-х гг. божества показаны злобными, гневными, вредоносными (см.: *Agam.* 229–230, 528–530; *Phaed.* 1271; *Oed.* 75; *Med.* 433–434). Наиболее ярко эти характеристики проявляются в пьесе «Геркулес в безумье»: Юнона испытывает ненависть, гнев, досаду (*Hercl.* 27–29), планирует причинить вред Геркулесу (*Hercl.* 114–122) и лишает его рассудка (следовательно, и свободы выбора между добром и злом, между добродетелью и пороком), принуждая совершить чудовищное злодеяние. Такой образ божества полностью противоречит религиозным взглядам Сенеки, которые отражены в его философских сочинениях, но соответствует общепринятым представлениям древних греков и римлян о богах.

В трагедиях 60-х гг. могущество бессмертных также не ставится под сомнение, однако автор уже не говорит об их эмоциях и не акцентирует внима-

²⁶ См.: Демина 2024, 8.

²⁷ Fischer 2008, 57.

ние на их способности причинить людям вред, а в пьесе «Финикиянки» словами Антигоны он подводит читателя к мыслям о том, что человек в состоянии сам, без вмешательства богов совершать свои поступки и ошибки, отказываться от жизненных благ (*uitae bona*) и даже возвыситься над судьбой (*fata*) (Phoen. 193–195). Подобный взгляд на богов, свободу воли человека и возможные последствия его самостоятельно принятых решений и конкретных действий согласуется с теми идеями, которые Сенека изложил в теоретических сочинениях.

Таким образом, сравнение драматических произведений разных лет на терминологическом уровне обнаруживает их сходство: все высшие силы характеризуются преимущественно с негативной стороны, что подчеркивает трагизм ситуаций, в которых оказываются персонажи. В то время как сопоставление на мировоззренческом уровне позволяет выявить не только сходства, но и различия. Общими для всех пьес являются идеи о могуществе судьбы-*fata*, фортуны и богов и их способности даровать человеку милости и посылать ему различные беды, а также о неизбежности предначертанного и необходимости смиренно относиться к изменившимся к худшему жизненным ситуациям и почитать бессмертных. Такие же мысли высказываются и в философских трудах Сенеки. Однако, если в драмах 40-х – 50-х гг. персонажи винят во всех случившихся с ними несчастьях высшие силы, то в трагедиях 60-х гг. признается свобода воли человека, проявляющаяся в ситуациях выбора между добродетельным и порочным поступком, и, следовательно, его ответственность за содеянное. Другим важным отличием является изображение божеств: в пьесах 40-х – 50-х гг. они испытывают эмоции (например, ненависть, гнев, досаду) и вредят людям, в то время как драмы 60-х гг. сведений об эмоциях бессмертных не содержат, а их способность навредить людям, с одной стороны, не отрицается, но, с другой, не имеет явных проявлений. Очевидно, идеи о *fata*, *fortuna*, богах и свободе воли человека, которые Сенека пытается донести до читателя в поздних трагедиях, более близки к его философским взглядам, хотя и не совпадают с ними в полной мере, тогда как ранние пьесы в большей степени соответствуют общепринятым в римском обществе I в. н. э. воззрениям, сформированным произведениями древнегреческих драматургов и не имеющим связи со стоицизмом. Можно предположить, что сам Сенека на протяжении 40-х – 60-х гг. все сильнее убеждался в правильности и нравственной пользе стоической философии и через пьесы с известными сюжетами неторопливо и постепенно, от одной драмы к другой пытался показать своим современникам, что стоицизм не противоречит распространенным в то время традиционным религиозным

взглядам и позволяет осознать пагубное влияние страстей и пороков на принятие решений и поступки и осознанно выбрать путь добродетельной жизни, который приведет к спокойствию, счастью и гармонии с окружающим миром.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Демина, С. С. (2020) «Представления Сенеки о храбрости», *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии* 1, 36–41. [Электронный ресурс]. URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/>
- Демина, С. С. (2024) «Понятия «*fatum*» и «*fortuna*» в теоретических сочинениях Сенеки», *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»* 2, 7–13.
- Пичугина, В. К. (2018) «Ясон в трагедии Сенеки Медея: плохой или хороший муж, отец и наставник?», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.1, 220–242.
- Санжениаков, А. А. (2019) «Может ли театр страстей Сенеки воспитать добродетельного человека?», *Сибирский философский журнал* 17.3, 245–257.
- Allendorf, T. S. (2013) «The Poetics of Uncertainty in Senecan Drama», *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 71, 103–144.
- Aygon, J.-P. (2014) «Les tragédies de Sénèque: cohérence dramaturgique, mise en scène et interprétation “stoïcienne”», *Pallas* 95, 13–32.
- Aygon, J.-P. (2015) «Theatrical Language and Philosophical Issues in Seneca's Tragedies: Cued and Unannounced Entrances (Especially Oedipus 81 and 784)», G. W. M. Harrison, ed. *Brill's Companion to Roman Tragedy*. Leiden; Boston, 260–282.
- Bernstein, N. W. (2017) *Seneca: Hercules Furens*. London; New York.
- Bexley, E. (2015) «What is Dramatic Recitation?», *Mnemosyne* 68.5, 774–793.
- Braund, S. (2016) *Seneca: Oedipus*. London; New York.
- Fantham, E. (2005) «Roman Tragedy», S. Harrison, ed. *A Companion to Latin Literature*. Oxford, 116–129.
- Fischer, S. E. (2008) *Seneca als Theologe: Studien zum Verhältnis von Philosophie und Tragödiendichtung*. Berlin.
- Frakes, J. C. (1988) *The Fate of Fortune in the Early Middle Ages. The Boethian Tradition*. Leiden.
- Grant, M. D. (1999) «Plautus and Seneca: Acting in Nero's Rome», *Greece & Rome* 46.1, 27–33.
- Grimal, P. (2004) *La civiltà dell'antica Roma*. Roma.
- Mader, G. (2014) «Hoc quod uolo / me nolle: Counter-Volition and Identity Management in Senecan Tragedy», *Pallas* 95, 125–161.
- Marshall, C. W. (2014) «The Works of Seneca the Younger and Their Dates», G. Damschen, A. Heil, edd. *Brill's Companion to Seneca: Philosopher and Dramatist*. Leiden; Boston, 33–44.
- Schiesaro, A. (2003) *The Passions in Play: Thyestes and the Dynamics of Senecan Drama*. Cambridge.
- Slaney, H. (2019) *Seneca: Medea*. London; New York.

- Star, C. (2015) «Roman Tragedy and Philosophy», G. W. M. Harrison, ed. *Brill's Companion to Roman Tragedy*. Leiden; Boston, 238–259.
- Star, C. (2016) «Seneca Tragicus and Stoicism», E. Dodson-Robinson, ed. *Brill's Companion to the Reception of Senecan Tragedy: Scholarly, Theatrical and Literary Receptions*. Leiden; Boston, 34–56.
- Trinacty, C. (2016) «Imago res mortua est: Senecan Intertextuality», E. Dodson-Robinson, ed. *Brill's Companion to the Reception of Senecan Tragedy: Scholarly, Theatrical and Literary Receptions*. Leiden; Boston, 13–33.
- Zwierlein, O., ed. (1986). *L. Annaei Senecae tragoediae incertorum auctorum Hercules [Octavia]*. Oxford.

References in Russian:

- Demina, S. S. (2020) «Predstavleniya Seneki o khrabrosti», *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* 1, 36–41. URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/> (accessed: 19.05.2025).
- Demina, S. S. (2024) «Ponyatiya «fatum» i «fortuna» v teoreticheskikh sochineniyakh Seneki», *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* 2, 7–13.
- Pichugina, V. K. (2018) «Yason v tragedii Seneki Medeya: plokhoi ili khoroshiy muzh, otets i nastavnik?», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.1, 220–242.
- Sanzhenakov, A. A. (2019) «Mozhet li teatr strastei Seneki vospitat' dobrodetel'nogo cheloveka?», *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* 17.3, 245–257.